

Теоретические обоснования перехода к посткапиталистическому обществу: попытка синтеза марксизма и персонализма

向后资本主义过渡的理论依据: 试将马克思主义与个人主义相结合

Давыдов Д.А.

达维多夫·德米特里·亚历山德罗维奇

(俄罗斯科学院乌拉尔分院哲学与法学研究所研究员)

摘 要:2008 年全球经济危机几乎未对现代经济运行的基本原则产生重大影响,但却大大激发了对后资本主义话语的思考和探讨。所谓后资本主义话语,就是对资本主义之后的社会发展新阶段产生与发展规律进行探析的各种理论和构想的总和。但是,我们必须重新发现马克思主义经典著作的价值。早在经济危机爆发之前,马克思已经被公认为一千年来最伟大的思想家。在资本主义经济越来越凸显出其负面特征的当下,马克思主义理论的价值更加毋庸置疑。为庆祝马克思诞辰 200 周年,特里尔举行了规模盛大的游行,许多领先思潮风气之先的城市举行了各种主题研讨。当前,马克思主义正在经历全面复兴。因此,关于后资本主义社会,以及向后资本主义过渡的路径的理论探讨亦日趋活跃。本文试论证,向后资本主义阶段过渡的关键问题是找到这一过渡的主体,只有将马克思主义和个人主义相结合,才能解决这个问题。

Глобальный финансовый кризис 2008 года мало чего изменил в принципах функционирования современной экономики, но зато существенно повлиял на интеллектуальное развитие дискурса посткапитализма¹. Под последним мы понимаем совокупность различного рода теорий и концепций, выявляющих предпосылки перехода к следующей за капитализмом стадии развития общества. Но прежде всего стоит говорить о возвращении интереса к фигурам классиков марксизма.

¹ Приставка «пост-» здесь означает «следующий за». Автор употребляет термин «посткапитализм» как более нейтральный аналог термина «коммунизм». Он избегает не только чрезмерно негативных, но и чрезмерно позитивных коннотаций терминов «социализм» и «коммунизм». В сущности, он как бы символизирует ситуацию неопределенности будущего человеческого общества. Разумеется, рано или поздно придется найти данному термину более «определенную» замену. Но сейчас пока еще довольно сложно ответить на вопрос, каким же конкретно будет посткапиталистическое общество.

Маркса и до кризиса признавали величайшим мыслителем тысячелетия². Чего уж говорить о времени, когда мировая капиталистическая экономика проявила со всей очевидностью все свои негативные черты. 200-летие Маркса было отмечено многотысячными демонстрациями в Трире, во многих центрах социальной мысли прошли соответствующие конференции. Марксизм сегодня переживает настоящий ренессанс. Поэтому неудивительно, что сегодня наблюдается оживление дискурса о посткапиталистическом обществе и возможных путях перехода к нему³. Далее я попытаюсь показать, что главной проблемой обоснования перехода к посткапиталистическому обществу является проблема обоснования субъекта такого перехода. В этом деле марксизм испытывает ряд проблем. Однако их можно решить, осуществив синтез марксизма и персонализма.

Что говорит о переходе к посткапиталистическому обществу марксизм?

Какими бы разнообразными сегодня ни были современные формы марксизма, практически все они единодушны в одном: марксизм утверждает закономерный характер перехода к посткапиталистическому обществу. Причем не просто закономерный, но обусловленный *классовой борьбой*. Можно сказать, что марксизм – это первая и пока единственная *научная* теория перехода от капитализма к посткапиталистической общественной формации. Он опирается не на спекулятивные идеалы, не на рассуждения о Духе, но о вполне осязаемых тенденциях. Более того, марксизм опирается на диалектический метод. Становление посткапиталистического общества – это не проект, не акт доброй воли, но результат отрицания, порождающий конструктивный *синтез*. В этом, думается, главная особенность марксистского способа изучения общества.

Тем не менее сегодня ряд положений классического марксизма оказываются все более уязвимыми. Прежде всего это тезис о том, что ведущей социальной силой перехода к посткапиталистическому обществу является рабочий класс. Данная тема до сих пор порождает горячие дискуссии, и вдаваться в подробности здесь мы не будем⁴. Но я все же

² По данным опроса, проведенного телеканалом Би-би-си в 1999 г. -

<https://fakty.ua/115980-karl-marks-priznan-velichajshim-myslitem-tysyacheletiya>

³ См., например: Мейсон П. Посткапитализм: Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

⁴ Подробнее об этом: Давыдов Д.А. Социальный субъект перехода к посткапиталистическому обществу – кто он? // Полития. 2018. № 3. С. 140-157.

отмечу ряд причин, по которым постепенно происходит отказ от акцентирования внимания на рабочем классе как главной «творческой» силе перехода к посткапитализму. Прежде всего – это постиндустриальные тенденции, отмеченные западными социологами еще в 1970-е гг. (Д. Белл, Э. Тоффлер и другие). Доля рабочего класса в структуре экономики развитых стран планомерно сокращалась. Как отмечал еще в 2002 году Р. Флорида, «длительный период XX века стал свидетелем подъема и упадка рабочего класса, численность которого достигла пика (около 40%) между 1920-ми и 1950-ми, прежде чем начать медленно сокращаться до современного объема (около четверти всей рабочей силы страны)⁵. Скорее всего, рабочий класс ждет незавидная «участь», если учесть ускоряющиеся тенденции автоматизации и роботизации производства⁶.

Конечно, сегодня речь идет о том, что главными жертвами буржуазной эксплуатации становятся не столько представители рабочего класса, сколько класс наемных работников в целом (куда входят и многочисленные представители сферы услуг). Как справедливо замечает Т. Иглтон, «работающие в колл-центрах, используемых для получения и передачи больших объемов информации, эксплуатируются ничуть не меньше, чем добывающие уголь в шахтах»⁷. Но в таком случае мы имеем дело с совокупностью весьма гетерогенных протоклассовых образований, основной особенностью которых является отсутствие классовой солидарности, наблюдавшейся у «классического» пролетариата (тогда условия труда способствовали объединению масс тружеников в рамках больших производств). Более того, в категорию «наемные работники» входят и люди, в чьих интересах скорее служить буржуазии, нежели бороться с ней (например, менеджеры).

В целом, в последнее время есть основания сомневаться в том, что основной социальной силой перехода к посткапиталистическому обществу будет являться какой-либо класс. Дело в том, что принадлежность к тому или иному классу в условиях капиталистического общества определяется отношением к собственности на средства производства и общественному разделению труда. В Предисловии к работе «К критике политической экономии» (1959) Маркс пишет: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной

⁵ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI. 2007. С.24.

⁶ См., например: Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина Нон-фикшн, 2016.

⁷ Иглтон Т. Почему Маркс был прав. М.: Карьера Пресс, 2017. С. 203.

формации [die ökonomische Gesellschaftsformation]»⁸. Но здесь возникает вопрос: *почему социальная сила, ведущая за собой человечество к миру свободы (в том числе от материальных ограничений), сама должна определять себя положением в экономической, то есть определяемой нуждой и материальной целесообразностью, системе?*

В данном месте концепция Маркса начинает противоречить сама себе. Маркс видел, что смены общественных формаций осуществляли вовсе не «страдающие» классы. Иными словами, смена общественных формаций всегда происходила «под руководством» передовой социальной силы, появлявшейся в недрах старой общественной формации, но всегда «выпадавшей» из нее как нечто чуждое. Вовсе не угнетаемые крестьяне совершили переход к капитализму, а буржуазия. Но Маркс почему-то не экстраполирует ту же тенденцию на процесс перехода к посткапитализму. Он делает ставку на пролетариат, на «страдающий» в рамках старой системы класс, и искусственно присваивает ему моральный статус передового и освобождающего. Здесь, на мой взгляд, Маркс упустил то, что не мог еще видеть в XIX веке. Он вовсе не мог еще представить себе социальную силу, которая бы не определяла себя в рамках классов. Отсюда и ограниченность современного марксизма в рамках анализа современных глобальных общественных тенденций.

Конечно, некоторые современные марксисты осознают эту уязвимость и пытаются сдвинуть акценты с классов на другие социальные общности. Так, А. Бузгалин утверждает следующее: «Точно так же как буржуазные революции и реформы осуществляли не основные классы феодального общества (не сеньоры, не крепостные), а выросшие из их разложения новые общественные силы (по генезису преимущественно представители... „третьего сословия“), так же и социалистические преобразования будут осуществлять не буржуа, не наемные работники как таковые, а выросшие из их разложения (и по генезису преимущественно наемные работники) субъекты ассоциированного социального творчества»⁹. Под последними Бузгалин понимает представителей творческого труда (учителя, писатели и художники, ученые и т.п.). Однако в таком случае не совсем понятно, какова основа солидарности людей креативных профессий. Конечно, если верить А. Горцу¹⁰ и ряду других авторов, буржуазная экономика может

⁸Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 7.

⁹ Бузгалин А.В. По ту сторону царства необходимости (эскизы и концепции). М.: Экономическая демократия, 1998. С. 131.

¹⁰ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: ГУ-ВШЭ, 2010.

«сковывать» творческую деятельность, подчинять ее узким корыстным интересам буржуазии. Творческий труд создает нематериальные ценности, которые легко обобществлять и делать общедоступными (например, знания) и которые не исчерпываются, а только прирастают по мере использования. Люди творческих профессий могут чувствовать, что результаты их труда присваиваются мировым капиталом не во благо человечества, но с целью извлечения интеллектуальной ренты от действия всевозможных патентов и т.п. Тем не менее стоит отметить, что именно представители креативного класса чувствуют себя во многих случаях гораздо лучше остальных. Именно они составляют большую часть salariата в развитых странах (термин, используемый Г. Стэндингом¹¹), то есть тех, кто имеет стабильную высокооплачиваемую работу, социальные гарантии, медицинскую страховку и т.п. Конечно, все большая часть творческих работников сегодня выталкивается на обочину жизни и пополняет ряды прекариата – тех, кто не имеет стабильной работы и вынужден довольствоваться временными подработками и т.п.¹² Однако и прекариат – это тоже «страдающий» класс. Представители прекариата борются за стабильное социально-экономическое положение и сытую жизнь, но не за построение совершенно нового общества на высоких принципах потскапиталистической морали. В своей борьбе они вполне могут добиться успеха. Например, когда-нибудь может быть введена практика выплат *безусловного дохода* (то есть ежемесячных пособий, выплачиваемых всем без исключения гражданам)¹³. Но «освобождающий» безусловный доход на самом деле может оказаться «подачкой» со стороны буржуазии. Прекариат развитых стран могут «прикормить» небольшими выплатами, которых, конечно, может быть и хватит на удовлетворение повседневных нужд, но никак не на творческое развитие.

Таким образом, мы вновь возвращаемся к той же проблеме: марксизм зашел в тупик, ибо не может найти адекватного кандидата на роль ведущей социальной силы построения посткапиталистического общества. Поэтому и весьма симптоматичны слова Ш. Сайерса. Он верно отмечает, что «Маркс описывает капитализм, каким тот был 150 лет назад, а по прошествии этих лет он претерпел множество различных изменений. Капитализм сейчас стал глобальной системой. И буржуазия, и рабочий класс сегодня другие. Промышленный пролетариат образца

¹¹ Стэндинг Г. Прекариат: Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014.

¹² Там же.

¹³ См.: Брегман Р. Утопия для реалистов. Как построить идеальный мир. М.: Альпина Паблшер, 2018.

девятнадцатого века, описанный Марксом, серьезно сократился и представлен, главным образом, в Китае, Индии и в других подобных странах»¹⁴. Но далее он признается: «у меня нет ясных и простых теорий на данный момент, которые я бы мог предложить. Я не знаю, откуда могут появиться политические силы, способные свергнуть капитализм, и как они будут зарождаться»¹⁵.

Вышесказанное отнюдь не значит, что марксизм несовременен, и его нужно отбросить. Напротив, как я покажу далее, Маркс был прав во многом, и не нам его обвинять в том, что он не мог разглядеть ряд тенденций, которые проявятся только спустя 150 лет после написания его ключевых работ. Но марксизм необходимо *дополнить*. В этом отношении, возможно, весьма продуктивным будет заимствование ряда теоретических положений из философии персонализма.

Что говорит о переходе к посткапиталистическому обществу персонализм?

Персонализм – это христианское философское направление, появление которого в первой трети XX века очевидно было вдохновлено и марксизмом. Стоит отметить, что наиболее глубокие корни персонализма лежат именно в русской религиозной философии (например, философия всеединства В.С. Соловьева). Многие ключевые работы, которые смело можно называть персоналистскими, появились именно в России еще до Октябрьской революции и принадлежат, прежде всего, перу Н.А. Бердяева. Только впоследствии своя сильная школа персонализма появится во Франции (да и сам Бердяев туда эмигрирует на знаменитом «Философском пароходе»). Среди французских персоналистов можно отметить Э. Мунье, М. Недонсея, П.-Л. Ландсберга, Ж.-М. Доменака, Ж. Лакруа.

В чем сущность персонализма? Прежде всего, это один из вариантов экзистенциальной философии. При этом под экзистенциальной философией мы понимаем такую, для которой главными являются экзистенциальные вопросы (о человеческом страдании и наслаждении, подлинности и неподлинности человеческого бытия, о переживании своего бытия в мире и т.п.). В таком смысле, как показывает П.Н. Кондрашов, и философия Маркса – это тоже вариант экзистенциальной философии, ибо «она начинается как философия человеческого страдания и завершается

¹⁴ Сайерс Ш. Идея коммунизма // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2017. № 1. С. 16.

¹⁵ Там же.

учением об историческом преодолении этого страдания, учением об освобождении»¹⁶. Здесь я также солидарен с профессором Сунь Вейпином, который считает, что марксизм - «это философия существования»¹⁷.

Персонализм – экзистенциальная философия, ибо обеспокоена характерными проблемами: «заброшенность» человека в мир, его одиночество, страх утраты смысла жизни, отчуждение, превращение человека в часть безликой массы, утрата веры в трансцендентное и вообще кризис веры в Бога, превращение человека в конечное смертное существо и трагедия такого существа. Здесь чувствуется непосредственная связь с экзистенциализмом А. Камю, Ж.-П. Сартра, К. Ясперса и других. Но экзистенциализм – это субъективистская философия, которая берет в качестве отправного пункта замкнутого-в-себе индивида (для-себя-бытие у Ж.-П. Сартра и т.п.). В этом отношении марксизм и персонализм – представляют собой противоположные экзистенциализму разновидности экзистенциальной философии, которые рассматривают проблемы не замкнутого-в-себе, а *социализированного индивида*.

Появление персонализма было своеобразной интеллектуальной реакцией на перемены, которые происходили с обществом в XX веке. Это: а) утрата веры в Бога и торжество бездушного рационализма; б) дегуманизация в массовом обществе, превращение человека в безликий винтик гигантской машины; в) распространение буржуазных и мещанских ценностей, превращавших человека в эгоистичное и замкнутое на своих повседневных проблемах существо. Впоследствии французский персонализм, бурно развивающийся в 1930-х гг., станет активно критиковать фашизм и марксизм (здесь имеется в виду марксизм сталинского СССР) как две формы радикального коллективизма, подавляющего свободу человека. Однако персонализм станет также непримиримым врагом либерализма и вообще капитализма.

Ключевым понятием для философии персонализма является «личность». Слову «личность» персоналисты придают свое собственное значение, которое расходится с его расхожими употреблениями. Прежде всего стоит отметить, что для персоналистов личность – это не отдельный индивид. Персонализм – это не разновидность философии индивидуализма. Более того, персоналисты *всеми силами критиковали буржуазный индивидуализм*. Понятие личности в персоналистском значении также не

¹⁶ Кондрашов П.Н. Философия Карла Маркса: Экзистенциально-антропологические аспекты. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 34.

¹⁷ Вэйпин С. Марксистская философия в современном Китае. Состояние и тенденции исследований // Свободная мысль. 2017. № 4. С. 117-130.

стоит сводить к понятию «индивидуальность». Индивидуальность – это совокупность отличительных черт той или иной особи, но эти черты могут характеризовать также замкнутого на себе эгоистического индивидуума (если человек покрывает все свое тело наколками, это еще не делает его личностью в персоналистском значении). Личность в персонализме – *это трансцендирующий, выходящий за свои собственные пределы посредством творчества, преодолевающий ограниченность его, человек.* При этом творчество персонализм понимает не в узко материалистическом смысле «создания предметов и культурных продуктов». Как уже отмечалось выше, персонализм – христианская, экзистенциальная философия. Личность посредством творчества *обретает смысл жизни.* И здесь у философии персонализма начинаются серьезные расхождения с марксизмом. Марксизм персоналисты обвиняют в том, что он лишает человеческую историю смысла. Конечно, на это можно ответить, что марксизм, напротив, поставил перед человечеством высшую цель построения коммунизма. Но «отменив» трансцендентное, отправив «опиум народа» в утиль, марксизм, по сути низвел человека до статуса конечного материального существа, трагедия жизни которого заключается в *неизбежной смерти.* Именно поэтому персоналисты и противопоставляют свою религиозную картину мира марксистской. Для них творчество – это путь восхождения к Богу, к трансцендентной истине, к единению со всем человечеством посредством всеобщей *христианской любви.* Как отмечает Н.А. Бердяев (который, к слову, в молодости был марксистом), «под творчеством я все время понимаю не создание культурных продуктов, а потрясение и подъем всего человеческого существа, направленного к иной, высшей жизни, к новому бытию»¹⁸. Бердяев не желает мириться со смертностью человека, он не желает мириться с абсурдностью материальной Вселенной. Его ужасает перспектива того, что все существует только для того, чтобы быть низвергнутым в пучину небытия. Он пишет: «если вы на мгновение представите себе самодостаточность мира, например самодостаточность движущейся материи как первоосновы, то вы поражаетесь непонятностью, бессмысленностью, тьмой, нереализуемостью в мысли такого мира»¹⁹. Бердяев, таким образом, предпочитает отчаянную веру в Бога, признанию фактической бессмысленности, обреченности-на-небытие человеческой истории.

¹⁸ Бердяев Н.А. Самопознание / Бердяев Н.А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 545.

¹⁹ Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря / Бердяев Н.А. Судьба России. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 295.

Стоит также отметить, что персоналисты хоть и являются христианскими философами, но исповедуют особые формы христианской веры, в корне отличающихся от официальных православных и католических догм. Так, например, Н.А. Бердяев вовсе отвергает идею Бога как некоего *существа*. Он также отвергает идею карающего за грехи Бога. Как отмечал, Бердяев, «наиболее неприемлемо для меня чувство Бога как силы, как всемогущества и власти. Бог никакой власти не имеет. Он имеет меньше власти, чем полицейский. Категория власти и могущества социологическая, она относится лишь к религии как социальному явлению, есть продукт социальных внушений. Бог не имеет власти, потому что на Него не может быть перенесено такое низменное начало, как власть»²⁰. Бердяев далее отмечает весьма существенную вещь: «Если есть Бог, то человек есть существо духовно независимое. И отношение к Богу определяется не как зависимость человека, а как его свобода. Ложное учение о смирении исказило христианство и унизило человека как богоподобного духовного существа»²¹.

Из такой своеобразной экзистенциальной онтологии персонализма вытекает и персоналистская социальная философия. Как уже отмечалось, персонализм противопоставляет себя коллективизму и буржуазному индивидуализму. Личность для персонализма – это состояние гармонии между индивидуальным и общественным, между неповторимым и всеобщим. Личность являет себя миру посредством творчества, посредством возвышения, движения к Богу. Но в этом – акт ее *свободы*, проявление индивидуальных неповторимых черт и качеств. Личность – это трансцендирующая индивидуальность, это *вовлеченный, равнодушный* человек, черпающий свое внутреннее богатство посредством духовного обогащения других, посредством творчества. Как нельзя лучше сущность персоналистского понимания личности выразил Э. Мунье: «личность – это духовное существо, конституируемое, как таковое, способом существования и самостоятельностью в своем бытии; она поддерживает это существование посредством принятия некоторой иерархии свободно применяемых и внутренне переживаемых ценностей, посредством ответственного включения в деятельность и постоянно осуществляемого обращения: таким образом, она осуществляет свою деятельность в свободе

²⁰ Бердяев Н.А. Самопознание / Бердяев Н.А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 515.

²¹ Там же.

и сверх того развивает посредством творческих актов свое призвание во всем его многообразии»²².

Здесь мы приближаемся к проблематике перехода к посткапиталистическому обществу. Дело в том, что общественный идеал философов-персоналистов – это своеобразная форма социализма, ставящая высшей целью построение общества на *личностных началах*. При этом персоналисты не признают того, что пролетариат – это освобождающая социальная сила. Они считают, что революция духовная должна предшествовать революции политической. Без революции духовной, масса неизбежно поглощает личность, и благие намерения революции трансформируются в беспощадную тоталитарную диктатуру. Для них только *сама личность* может являться движущей социальной силой перехода к посткапиталистическому обществу. Как пишет Бердяев, «мне трудно вполне принять какую-либо политическую революцию потому, что я глубоко убежден в подлинной революционности личности, а не массы, и не могу согласиться на ту отмену свобод во имя свободы, которая совершается во всех революциях»²³. Главной ошибкой большевиков персоналисты считали то, что они проблему свободы свели исключительно к проблеме материальной обеспеченности масс. Как отмечает Э. Мунье, «достаточно только посмотреть вокруг, чтобы убедиться в том, что исчезновение элементарных забот и доступ к лучшим условиям жизни с неизбежностью влекут за собой не освобождение человека, а скорее ведут к его обуржуазиванию и духовной деградации»²⁴.

На мой взгляд, тезис о том, что именно личность (в персоналистском понимании) будет являться движущей силой перехода к посткапитализму, сегодня становится актуальным. Но у персонализма – множество своих собственных уязвимостей. И главная уязвимость – наивный утопический идеализм, который давным-давно разоблачили Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии». Социальная и политическая философия персонализма – это наивное спекулирование в духе «как все было бы здорово, если бы все устроилось по нашим благим пожеланиям». Но философия персонализма прячет в себе пару элементов, которые позволят ее «приземлить» на почву марксизма и вступить с ним в продуктивный философский брак.

²² Мунье Э. Манифест персонализма / Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Издательство «Республика», 1999. С. 301.

²³ Бердяев Н.А. Самопознание / Бердяев Н.А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 479.

²⁴ Мунье Э. Манифест персонализма / Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Издательство «Республика», 1999. С. 297-298.

«Приземлить» персонализм и «одухотворить» марксизм: что общего у двух философий?

Как мы увидели, марксизм и персонализм придерживаются совершенно разных онтологических концепций. Марксизм – философия атеистическая, материалистическая, в то время как персонализм опирается на христианскую веру. Однако на самом деле у этих двух философских направлений много общего. Начнем с того, что и сам марксизм нередко представлялся как своего рода религия. Говоря о своем «богостроительстве» в 1909 г., А.В. Луначарский для всеобщего поклонения предлагает бога в новых ипостасях: бог отец — производительные силы, бог сын — пролетариат, дух святой — теория социализма. Как отмечают К.Н. Любутин и С.В. Франц, «Ленин, справедливо подмечая гносеологические промахи Луначарского, не хотел признать справедливость его вывода (сделанного задолго до А. Грамши): массы не могут усваивать философию иначе, как веру»²⁵. Фактическое изобретение пришедшими к власти марксистами своей гражданской религии – большая тема, которая требует отдельного рассмотрения.

Понятное дело, что «марксистская религия» того же Луначарского – это нечто принципиально другое, нежели то, о чем говорили персоналисты. Но далее, стоит отметить, что сами философы-персоналисты никогда не утверждали, что их воззрения – это некая философская система. Французские персоналисты допускали, что *возможен персонализм атеистический*. Приведем цитату Ж. Лакруа: «персонализм — это не философия в собственном смысле слова. Или, если угодно, возможно существование не одной, а нескольких философских концепций персонализма, питающихся одним и тем же вдохновением, но выводящих из него различные, во многом несхожие учения: существует, например, атеистические и христианские концепции персонализма, не говоря уже о многих других»²⁶. Различные версии и оттенки персонализма объединяет концепт личности. Но полагать процесс трансцендирования как момент выхода за свои собственные пределы можно не обязательно путем обращения к Богу. Это может быть проявление *любви к человеку и*

²⁵ Любутин К.Н., Франц С.В. Российские версии марксизма: Анатолий Луначарский. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/issledovania/rossijskie-versii-marksizma/religia-i-socializm/>

²⁶ Лакруа Ж. Персонализм: истоки - основания – актуальность / Лакруа Ж. Персонализм: избранное. М.: РОССПЭН, 2004. С. 15-16.

человечеству, момент единения с человечеством как таковым. Понятное дело, что персонализм не был бы персонализмом без *момента иррационального, без момента веры*, без поиска высшего предназначения человечества, *высшего смысла истории*. Но такая вера вполне может заключаться в вере в *самого человека, в его силы*. Это также может быть вера в *единство человечества*. Это весьма важно отметить, особенно учитывая то, что сегодня появляются различные философские концепции вроде трансгуманизма, которые рискуют это единство разорвать, превратить человека в транс- или даже постчеловека, бездушную машину. Философия персонализма утверждает, что жизнь человека имеет смысл только в том случае, если он, умерев телесно, останется жить в духовной вечности. Но духовную вечность можно понимать и как память о человеке, как единение предков и потомков в истории, их диалог в вечности (здесь, кстати, есть много сходств с конфуцианством). Если человека методично превращать в трансчеловека, эта гармония может в конце концов разорваться. Мы создадим технологического монстра, который не будет понимать нас, а мы не будем понимать его. Именно против таких опасных экспериментов с человеческой природой и выступал бы современный персонализм (пусть это будет неоперсонализм, марксистский персонализм или что-то в это духе). Здесь нет ничего того, что противоречило бы философии Маркса. Но такой «приземленный» персонализм приносит с собой философскую концепцию трансцендентного, понятого не столько как вера Бога, сколько как *вера в единство человечества*, осторожный подход к дальнейшей эволюции человечества (для Китая это особенно актуально, ведь именно в этой стране впервые родились генномодифицированные дети²⁷, и именно Китай станет в ближайшем будущем лидером научно-технического прогресса).

Далее, мы видим, что в вопросах критики буржуазного общества персонализм, по сути, имеет больше сходств с марксизмом, нежели расхождений. Как я уже отмечал выше, Н.А. Бердяев в молодости был марксистом, но он и в пожилом возрасте с уважением относился к Марксу. Как пишет Бердяев в своей автобиографической книге, «я вполне принимал марксовскую критику капитализма. Марксизм раскрывал возможности победы революции, в то время как старые революционные направления потерпели поражение»²⁸. Как мне представляется, персоналистам вообще свойственно двойственное отношение к наследию

²⁷ <https://www.kommersant.ru/doc/3812066>

²⁸ Бердяев Н.А. Самопознание / Бердяев Н.А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 464

Маркса, которое можно выразить словами Ж. Лакруа: «что касается материализма, метод Маркса является верным в критике капитализма. Он является правдивым отражением наших слабостей и предательств. Однако он выступает также как классовая философия. Эта философия искажает человека, искажая его разум. <...> Марксу недоставало веры в “личность”, в ее формирование и эволюцию – он хотел вверить судьбу человечества пролетариату, а сам пролетариат – неумолимому ходу истории, который пролетариат в состоянии лишь ускорить, но никогда не может изменить его направленность. Нет ничего более расслабляющего, чем идея фатального прогресса»²⁹.

Но, возвращаясь назад, отметим, что как раз акцент на революционной роли пролетариата противоречит всей теории Маркса. Маркс просто не смог найти другого, более подходящего кандидата на роль социального субъекта перехода к посткапиталистическому обществу. Он жил во времена, когда капиталистическая формация еще толком не сформировалась, чего уж говорить о формации посткапиталистической. Если мы примем на роль ведущего социального субъекта перехода к посткапитализму именно *личность*, то здесь также не будет ничего противоречащего самой системе марксовской философии.

Но тогда вновь всплывает старый вопрос: какова же основа солидарности личностей? Кто такие личности? Понятное дело, что это люди, но что будет их объединять в политической борьбе? Будем ли мы здесь опираться на идеализм персонализма? Будет ли переход к посткапиталистическому обществу больше походить на духовное движение, которое стремится к «возрождению» личности, к духовному богатству, росту творческих проявлений человека, его подлинной свободе и т.п.? Думается, такой спекулятивный идеализм необходимо отбросить, вернувшись к диалектической методологии Маркса. Но вся прелесть ситуации заключается в том, что персонализм проделал всю работу за нас. И решение уже находится в имплицитной форме в книге «Философия неравенства» Н.А. Бердяева³⁰. Дело в том, что в данной книге Бердяев раскрыл *диалектику личности*. Личность, согласно Бердяеву, рождается в *момент отрицания*. «Всякое творческое движение, – пишет Бердяев, – есть возникновение неравенства, возвышение, выделение качеств из

²⁹ Лакруа Ж. Персонализм: истоки - основания – актуальность / Лакруа Ж. Персонализм: избранное. М.: РОССПЭН, 2004. С. 153.

³⁰ Сам великий русский философ эту книгу впоследствии не будет принимать, будет считать, что она «не вполне» выражает смысл его философской позиции, однако для нас она имеет первостепенное значение.

бескачественной массы»³¹. При этом под неравенством здесь Бердяев понимает вовсе не материальное или экономическое неравенство, но скорее *качественную неоднородность, принципиальное разнообразие*. Бердяев пишет: «бытие личности предполагает различия и дистанции, формы и границы. Революционный дионисизм уничтожает все различия и дистанции, все формы и границы, и потому он глубоко враждебен личности, не признает и не опознает лика»³². Бердяев мыслит, как настоящий диалектик. Высшее бытие личности заключается в постоянном *отрицании зла, отрицании обиденности, мещанства, безликости*, но без всего этого не будет и личности. И это означает также, что чем больше в мире зла, тем сильнее стремящаяся к единению с Богом личность проявляет именно свои *личностные* качества.

Что это говорит о современной ситуации? Дело в том, что мировая буржуазия уже давно идет по пути «усыпления» рабочего класса. Рабочий класс уже давно «куплен» «подачками» социального государства. Даже после того как неолиберализм многие достижения классовой борьбы ликвидировал (и даже когда разразился кризис 2008 года!), никакой антикапиталистической революции не произошло. Сегодня прекариат выходит на арену политической борьбы, но и его тоже вполне могут «усыпить», дать ему «подачку» в виде безусловного дохода. Тенденции автоматизации и роботизации производства свидетельствуют о том, что в будущем буржуазия в развитых странах вполне сможет дать «своим» гражданам, по сути, дармовую (производимую роботами) материальную подушку безопасности, купив тем самым их политическую лояльность. Таким образом, именно в классовой борьбе буржуазия всегда будет «на коне». В мире материальной нужды она всегда будет иметь в запасе козыри. Но в своем стремлении усмирить революционный пыл различных «страдающих» классов буржуазия пойдет по пути наступления на личность. Буржуазия сможет дать людям материальный минимум, который обеспечит гарантии выживаемости для всех без исключения. Но никаких гарантий становления каждого в качестве неповторимой личности, она, скорее всего, не даст. Напротив, капиталистическое общество будет придумывать всевозможные способы личностной деградации. Уже сегодня индустрия развлечений позволяет бесплатно и без особых затрат тратить жизнь на компьютерные игры, просмотр никак не развивающих личность видеороликов в Интернете и тому подобное. Многие миллионы людей

³¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. С. 61.

³² Там же. С. 54.

будут по мере автоматизации и роботизации высвобождаются из сферы рутинного труда, но далеко не каждому из них существующие системы образования смогут дать соответствующие навыки, которые позволили бы раскрыть весь свой личностный потенциал. Поэтому дальнейшая эволюция капиталистического общества представляется скорее как процесс все большего обезличивания, пусть даже оно и будет происходить в мире растущего комфорта и отсутствия скуки. Личностный мир для большей части населения будет становиться все более и более *серым, невзрачным, безликим*. Но мы неспроста синтезировали персонализм и марксизм. Отнюдь не по доброй воле философов произойдет переход к посткапиталистическому обществу. На фоне всеобщей тьмы пламя одной яркой личности светит все ярче. Повсеместная *обезличенность* породит соответствующую реакцию, отрицание. И тогда, возможно, то, о чем говорили Маркс и Бердяев, станет настоящим духовным путеводителем для объединяющихся в единое движение людей, стремящихся к подлинному *единству человечества, к утверждению себя в качестве личностей*.